

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

С 8 по 10 сентября 2011 года в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170) в Белгороде состоялась Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности». Конференция была организована Министерством образования и науки РФ, Департаментом образования, культуры и молодежной политики Белгородской области, Белгородским государственным национальным исследовательским университетом. В этой рубрике мы публикуем лучшие доклады и статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике: Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» г. Белгород, 8-10 сентября 2011 г.: Материалы докладов и выступлений. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2011.

УДК 130.2

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ТЕРРИТОРИЯ КОНФЛИКТОВ?¹

Е.А. КРОТКОВ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

В связи с назревающими в обществе конфликтами в сфере мировоззренческого дискурса обсуждается возможность формирования новой социально-психологической установки в коммуникации субъектов разной веры, веры и безверия, способствующей выходу страны из духовного кризиса.

Ключевые слова: мировоззренческий дискурс, конфликт, плюрализм, нейтралитет, толерантность.

Широко известен феномен противостояния цивилизаций, связанный с конфликтом религиозных дискурсов («языческий мир – христианская цивилизация», «христианская цивилизация – исламский мир»). Давнюю историю имеет и такой мировоззренческий конфликт как «теизм – атеизм». В России противостояние тех, кто «горой стоит» за веру, и тех, кто критически относится к ней, не завершилось фактом поражения политических сил, насаждавших безверие не только идеологическим террором, но и физиче-

¹ Публикация выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170).

ским насилием: с уходом в небытие государственного («воинствующего») атеизма нарождается феномен «воинствующей» церкви. Сегодня клерикальной пропагандой с завидной методичностью внушается россиянам мысль о том, что обращение народа в религиозную веру необходимо для спасения России от нравственного нигилизма и вестернизации, а неверующий в Творца потенциально непатриотичен и бездуховен.² Само понятие «духовность» безоговорочно отождествляется с церковной религиозностью, а нравственное просвещение молодежи государство, судя по всему, готовится передать под патронаж церковным структурам. Об этом свидетельствуют «встраивание» религиозной идеологии в школьное образование (под предлогом ознакомления детей с основами религиозной культуры), передача церковным структурам хранящихся в музеях произведений искусства и символов религиозного содержания, участвовавшие выступления церковных иерархов по каналам СМИ в роли блюстителей общественной нравственности, и т.п. Между тем, имплантация авторитарно-этатистского варианта христианского (равно как и исламского, иудейского) мировоззрения в государственную идеологическую доктрину едва ли будет способствовать духовному росту, миру и процветанию российского общества. Но уже публикуются статьи, в которых содержатся призывы к изменению на православных основах существующего государственного строя. Так, священник Д.Познанский пишет на страницах «Политического журнала»: «Необходимо приводить в соответствие с православной цивилизационной моделью всю государственную систему», поскольку де «любые попытки скрещивания христианских ценностей с секулярно-либеральными институтами западной демократии обречены на провал»³. Спрашивается, а не возникнет ли, к примеру, желание у иерархов мусульманства пропагандировать в СМИ идею «приведения в соответствие» российской государственности, но только не с православной, а с исламской цивилизационной моделью? Не сомневаюсь, что и такая инициатива получит широкую поддержку. И что тогда? Уместно напомнить: принадлежность к иной вере в иные времена считалась (да и ныне нередко считается) не меньшим злом, чем просто безверие. А ведь И.Кант предупреждал нас: «<...> религиозные распри, которые столь часто потрясают мир и заливают его кровью, никогда не представляли собой ничего другого, кроме разногласий из-за церковной веры»⁴. В современном мире причастность дискурса религиозного фундаментализма к развязыванию вооруженных конфликтов – далеко не рудиментальное явление.

Лидеры так называемых основных религиозных конфессий заключили между собой негласный «пакт о ненападении», дабы не отвлекать силы от их «священной» борьбы за умы и сердца мирян и тех, кто ещё не обратился в их веру. Уместно заметить, что это перемирие не может не быть временным, тактическим, поскольку каждая из конфессий, в точности следуя завету её основателя, провозглашает свою веру единственно верной, а принадлежность к иной вере – едва ли не большим грехом, чем просто безверие⁵. А. Мельников ставит, на мой взгляд, вполне обоснованный диагноз сложившейся ситуации. «В XXI веке религиозные общины обычно стараются скрывать свои разногласия, подчеркивать их считается неполиткорректным. <...> Стоит священнослужителям сойти с высоких трибун и остаться наедине со своей паствой в храмах, молитвенных домах и общинных центрах, смысл и тональность их выступлений меняются. Борьба религиозных организаций России против нетрадиционных учений, постоянные попытки пересмотреть светские устои государства, непрерывные проявления религиозной нетерпимости, часто

²В статье «Теологический агностицизм в диалоге с религией и атеизмом» Л.Н Столович пишет: «Приветствуя то, что церковь сегодня получила большие права в духовной жизни общества, А.Д. Сахаров не без основания опасался наступления такой ситуации, когда нужно будет уже защищать не верующих, а атеистов».

³ Познанский Д. Цивилизационная несовместимость // Политический журнал. 2008. №4 (181). 11 марта.

⁴ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. – С.178.

⁵«Религии, особенно монотеистические, исконно непримиримы к иным религиям и вообще к иным мировоззрениям. Если Бог истинен, если истинны Его имя, облик, атрибуты, священная история, святые, то это должна быть истина для всех людей», – отмечает Н.С.Розов.

переходящие в криминал, в разных частях страны – все это замалчивается, затеняется завесой уверений в готовности вести межрелигиозный диалог»⁶.

Я не ополчаюсь на религию как таковую и не намерен обелить партийных и государственных лиц, по чьей вине взрывались храмы и ломались судьбы тех, кто молился в них. Настаиваю лишь на принципиальном (последовательном и безоговорочном) соблюдении положений Конституции РФ о свободе совести и светском характере нашего общества. Не менее важным представляется формирование принципиально новой социально-психологической установки в отношении друг к другу субъектов разной веры, веры и безверия, способствующей выходу страны из духовного кризиса. Она связана с малознакомой российскому обществу традицией плюрализма и толерантности в мировоззренческой сфере.

Метафизические основания мировоззренческого дискурса

Любое мировоззрение представляет собой личностно-духовное образование, которое Р.Рорти удачно называл «искупительной истиной»⁷. Искупительная истина удовлетворяет человеческую потребность «увязать все на свете – все события, всех людей, все идеи – в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы естественным, предопределенным и единственно возможным», а также «единственно значимым для определения смысла человеческой жизни, потому что только в данном контексте человеческое существование будет явлено в истинном свете». Верить в искупительную истину значит верить, что «есть некая подлинная реальность за видимостью явлений, что есть одно истинное описание всего существующего и случающегося, один главный секрет и одна окончательная разгадка»⁸. Сразу же подчеркну: «истина мировоззрения» и «научная истина» – существенно различающиеся концепты. Содержание научных теорий достаточно уверенно контролируется логикой и экспериментом, поэтому рано или поздно специалисты приходят к относительному единству в их признании. Мировоззрения тоже могут быть насыщены сведениями из различных областей науки, но их фундамент составляют некие метафизические построения, для которых характерны универсализм и абсолютизм, т. е. стремление все многообразие явлений подвести под единое, нередуцируемое к чему-либо другому и вечно пребывающее основание (Абсолют), а затем «вывести» из него всю многоликость преходящего, и таким образом «объяснить», или «оправдать», его.

Однако потребность в фундировании всего сущего Абсолютом (как бы его не называли: Богом, Вселенским Разумом, Мировой Волей или Материей) не равнозначна, вопреки мнению критиков метафизики, неистребимому человеческому влечению к познанию глубинной, единой и окончательной «мировой сущности». Сама эта потребность индуцируется настроениями и размышлениями экзистенциального характера. На это об-

⁶ Мельников А. Диалог религий в любой момент может перерасти в конфликт. /Режим доступа: http://religion.ng.ru/events/2008-04-02/3_dialog.html

⁷ Вполне осознаю многозначность слова «мировоззрение» и непродуктивность попыток связать с ним одно-единственное значение, являющееся «аутентичным». В этой связи позволю себе уточнить, что в дальнейшем изложении с этим словом будет ассоциироваться содержание, которое обычно именуется «картиной мира в целом и пониманием места в нем человека». Это содержание может быть представлено не только в форме философской либо теологической системы, но и в художественно-образном и афористическом повествовании. Все иные контексты употребления слова «мировоззрение» (к примеру, такие как «политическое мировоззрение» или «экономическое мировоззрение», «коммунистическое мировоззрение» или «буржуазное мировоззрение», и т.п.) более уместным было бы именовать, на мой взгляд, словом «крутозор». Допускаю также, что а) не всякий крутозор имеет мировоззренческие корни, а если и имеет, то это не всегда идет ему на пользу (например, политическому крутозору, мировоззренческая пресуппозиция которого состоит в убеждении богоизбранности некоего народа и/или его лидера, в постулате богоустановленности власти); б) далеко не каждый человек озабочен мировоззренческими вопросами: многие люди довольствуются крутозором, в котором нет места размышлениям о «мире как целом», о «природе нравственности», о «смысле жизни», и т.п., хотя они и без этих размышлений неплохо ориентируются в окружающем их природном и социальном мире, в меру нравственны и достаточно целеустремленны; (принудительное «обращение» в какую-либо мировоззренческую веру тех, кто не имеет этих качеств, и проблематично, и небезопасно).

⁸ Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003, №3. – С.3.

стоятельство обращал внимание Вильгельм Дильтей, считавший «великие жизненные настроения», «чувство жизни» (такие, к примеру, как оптимизм и пессимизм) фундаментом, «подпочвой развивающихся на их основе мировоззрений», и отмечавший, что мировоззрения «не возникают в результате одной лишь воли познания»⁹. Похожий взгляд у профессора философии и истории культуры института интегральных исследований в Сан-Франциско Ричарда Тарнаса, который полагает, что в мировоззренческом выборе, помимо усилий интеллектуального характера, участвуют и такие «более разомкнутые факторы» как «воля, воображение, вера, надежда и страсть»¹⁰.

И.И.Лапшин, видный деятель русской «университетской» духовной культуры первой половины XX в., ставил весьма примечательный для нашего рассмотрения вопрос: «Почему метафизика Шопенгауэра приняла форму монистического волюнтаризма? То есть, почему Шопенгауэр признал именно волю сокровенной сущностью вещей и почему всякая множественность индивидуальностей (множественность вещей и сознаний) представляется ему лишь видимым отображением единой мировой воли?». Ответ он получает из сопоставления экзистенциального опыта Шопенгауэра с его метафизическим принципом: «Дисгармония в волевой деятельности, мучительный разлад между жаждой жизни и в то же время полной неудовлетворенностью ее содержанием — вот что было источником личной трагедии Шопенгауэра; этой трагедии он придал характер мировой трагедии». По такой же схеме Лапшин ставит «диагноз» мировоззрениям Фихте, Гегелю, Герберту, и приходит к следующему общему выводу: «Подобно тому, как художники воплощают в типы, объективируют в художественные образы лично глубоко страданное и тем как бы снимают с себя бремя страданий, метафизики нередко объективируют характерные черты собственной личности в мировую сущность»¹¹.

Множественность мировоззрений и их борьба

О невозможности построения мировоззрения, «истина» которого приемлема для всех и на все времена, косвенно свидетельствует отсутствие интерперсонального аргументативного преимущества у любой из мировоззренческих позиций по таким вопросам как «является ли мир самодостаточным или он сотворен Богом?», «ограничен мир или безграничен во времени и пространстве?», «бессмертна ли душа человека или она погибает вместе с телом?», и т.п. При этом проблема не в том, что тезис доказывается неправильно, а антитезис — правильно (или наоборот), но в том, что у полемизирующих сторон не существует единого поля аргументации: те положения, которые в качестве аргументов представляются несомненно истинными для одних, не признаются в качестве таковых другими, и любая дискуссия оказывается неконструктивной. Данное обстоятельство послужило Дильтею поводом заявить: «Борьба мировоззрений между собой ни в одном основном пункте не увенчалась победой одного из них. История производит из них отбор, но великие типы их сохранили всю свою силу, недоказуемые и неразрушимые. Они не могут быть обязаны своим происхождением тому или иному доказательству, ибо никакое доказательство разрушить их не может»¹².

Употребляя слово «борьба», В.Дильтей осознал, надо полагать, что эта борьба в истории человечества нередко оказывалась «пусковым механизмом» для политических и военных конфликтов, являлась их идеологическим сопровождением. Очевидна связь религиозных представлений и с нынешней конфликтной ситуацией на Ближнем Востоке,

⁹ Дильтей Вильгельм. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / Культурология. XX век: Антология. М., 1995. — С.220-225.

¹⁰ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. — С.345.

¹¹ Лапшин И. Шопенгауэр / Энциклопедический словарь. Издание Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIXA. — С.79.

¹² Дильтей Вильгельм. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / Культурология. XX век: Антология. М., 1995. — С.225. В этом и состоит суть той разновидности скептицизма, которую, как я полагаю, может позволить себе человечество: речь идет о сомнении в том, что только мое («наше») мировоззрение в полной мере способно направить человечество на путь Истины и Добра, наполнить высоким и непреходящим смыслом жизнь каждого человека.

Алжире, Пенджабе и т.д.¹³ Роль религиозного манипулирования для достижения и сохранения власти возрастает в нашей стране. И только религиозность как фактор «морально доброго образа мыслей» и «доброго образа жизни» (И.Кант), а не в качестве аргумента в противостоянии политических амбиций, составляет реальную и безальтернативную основу решения проблемы межконфессиональных конфликтов – одну из самых опасных угроз всему мировому сообществу. Впрочем, и другие формы мировоззрения с неменьшим «успехом» использовались для антигуманных целей (метафизика воли к власти – в идеологии 3-его Рейха; сращенный с диалектикой материализм – в идеологии большевизма, etc.). Поэтому желательной была бы такая ситуация в обществе, когда над политическим, юридическим и этическим дискурсами не довлеют мировоззренческие постулаты, а «аргумент к мировоззрению» не принимается в расчет в обосновании регулятивов и ценностей общецивилизационной значимости.¹⁴ Вместе с тем, столь же контрпродуктивны и призывы «покончить раз и навсегда» с верой либо, напротив, с безверием: если какое-либо из этих мировоззрений принимается личностью осознанно и добровольно, оно может позитивно повлиять на нравственное и психическое ее здоровье. К примеру, религиозное мировоззрение служит хорошим лекарством против синдрома «осатаневшей самости» (Ф.М. Достоевский), т.е. безбрежного эгоизма, цинизма и своеволия, а также средством психологической компенсации несбывшихся надежд и невосполнимых утрат личности. А безрелигиозное мировоззрение способно блокировать потенциал безграничного ее самоуничужения и атрофию социальной активности.¹⁵

Мировоззрение и толерантность

Словом, каждый человек волен идти по жизни с понятной ему и родственной его душевной организации «искупительной истиной», и никто не должен понуждать его ни прозелитизмом, ни системой воспитания/образования к принятию какого бы то ни было «аутентичного» мировоззрения. В этом заключена суть мировоззренческой толерантности как уважительного отношения к людям с иным мировоззрением. Ее антиподом является мировоззренческая интолерантность, т.е. агрессивное отношение к людям с иным мировоззрением на основе убеждения в том, что только мое (наше) мировоззрение правильно и допустимо. В этом смысле теизм и атеизм как аргументационные системы с их интенцией «победить», «искоренить», «вытеснить», не вписываются в модель консонансного социального бытия, поскольку мировоззренческий текст, «истина» которого пытается подвергнуть остракизму любые другие «искупительные истины», является актом духовного насилия. «Люди, считающие, что их вряд ли может заинтересовать вопрос о существовании Бога, не вправе осуждать людей, которые страстно верят в его существование, или людей, которые не менее страстно отрицают его. И ни те, ни другие не вправе осуждать тех, кому этот спор кажется бессмысленным»¹⁶ [14]. Безальтернативный способ коммуникации между субъектами разных мировоззрений мне представляется таким, когда её участники оказываются способными к соблюдению мировоззренческого нейтралитета и следованию принципам толерантности: ««Слышать» друг друга, и при этом обойтись «без драк на меже», с этой точки зрения, можно лишь при обоюдном допущении, что «может быть, я прав, или, может быть, ты прав, или никто из нас, или, неизвестным для нас способом, мы оба правы вместе»¹⁷.

¹³Идеологи религиозных организаций нередко интерпретируют подобного рода конфликты как «неизбежное столкновение божественных и сатанинских сил, и на этой основе культивируют фанатизм и оправдывают любую жестокость и вероломство».

¹⁴Джон Ролз, автор знаменитой теории справедливости, неслучайно стал настаивать на том, что публичное понимание социальной справедливости должно быть максимально независимо от противоборствующих философских и религиозных учений.

¹⁵Христианская религия, равно как и светский гуманизм, отмечены в истории западного общества значительным вкладом в развитие культуры и науки. Это хорошо известно. Но из этого не следует, что их позитивное влияние на современное общество сохраняет свои прежние глубину и масштаб.

¹⁶Рорги Р. Антиклерикализм и атеизм. // Логос. 2008. № 4.

¹⁷Пока же у нас иная ситуация, весьма далекая от толерантности. «На самом деле это очень сегодня распространено: наши-ваши. Кто круче – католики или православные. Или, может, раскольники. Последователи отца Александра Меня или отца Георгия Кочеткова. Все разделены на крохотные партии. Для одних Россия – икона Христа, для других – наоборот, не икона. Еще у нас ведь как принято у многих? Причастился, вышел на улицу, всех презираю, кто не воцерковился» – сокрушалась в одном из сво-

Толерантность, мировоззренческий нейтралитет могут иметь место лишь в условиях, когда у их субъектов – людей или социальных общностей с расходящимися векторами сиюминутных интересов, с антипатиями, неприязнью и т.п. – имеется общая основа, позволяющая им вступить в диалог и выявить единство в сфере долговременных интересов, фундаментальных принципов и ценностей. Не в теории, а на практике познавшее горечь мировоззренческой нетерпимости, расового, национального и социально-классового эгоизма, мировое сообщество вплотную приблизилось к «прозрению» координат общечеловеческого аксиологического пространства¹⁸. И так ли уж важно, в чем философы, культурологи и теологи усматривают их источник – в антропологическом единстве человечества, в адаптационных закономерностях эволюции социального бытия, в абсолютных теоретических интуициях, или в Слове, которое было у Бога? Важно другое: добровольное и осознанное (по Канту – основанное на понимании и самообязывании) следование «духу универсальной нормативности» (Э.Гуссерль), или кодексу человечности, составляет одно из важнейших условий выживания планетарной цивилизации. А это, в свою очередь, предполагает их способность к критико-рефлексивному отношению к себе, к обнаружению скрытых возможностей к частичной реинтерпретации своей собственной идентичности. Любое демократическое общество, увеличивая, насыщая потенциал инаковости его агентов, т.е. количество социально, этнически и психологически значимых различий, должно параллельно осуществлять упорядочение его приоритетов, в частности, решать проблему построения небольшого, но ясно очерченного пространства нравственных ценностей и норм социального бытия, совместимого с общечеловеческим. Способом ее решения может быть социально-коммуникативный дискурс, модель которого предложена Юргеном Хабермасом. Дискурс в его трактовке представляет собой диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия. В дискурсивной коммуникации господствует лишь «ненасильственное принуждение» наилучшего аргумента: «В дискурсах мы пытаемся заново проинвестировать проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования»¹⁹.

В этой связи весьма опрометчивым представляется отказ мультикультурологов от идеи единства культур в пользу непреодолимых их различий, поскольку, как им представляется, конфликт цивилизаций является следствием унификационных практик западных стран и инструментом обретения глобальной гегемонии США. «Такие попытки ведут к тому, что в социальных науках и философии Различие приобретает большую ценность, чем Тождество, а политическая и правовая практика оказываются беспомощными перед лицом серьезных Вызовов, угрожающих человечеству»²⁰. Кое-кто из моих коллег, нахмутив брови, отметит: ну, вот, еще один космополит (глобалист, как ныне говорят) объявился. Ответ ему нахожу у Ричарда Рорти. Одно дело – космополитизм, «<...> согласно которому права человека годятся для европоцентристских культур, другим же лучше подходит вездесущая тайная полиция, имеющая в распоряжении подобострастных судей, профессоров и журналистов, вкупе с тюремной гвардией палачей. Альтернативой этому фальшивому и занимающемуся самообманом виду космополитизма является тот, который содержит ясный образ особого космополитического человеческого будущего:

их последних интервью Наталия Трауберг, выдающийся переводчик, член правления Библейского общества и редколлегии журнала «Иностранная литература». Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994, № 6.

¹⁸Номинально они представлены во многих международно-правовых документах и актах, а также в национальных Конституциях демократических стран. Разумеется, это единство не есть априорное, раз и навсегда предзаданное условие всепланетного человеческого бытия. Это, скорее, «задача, которую каждое новое поколение теоретиков и практиков обречено переосмысливать и решать заново, сознавая при этом, что их понимание единства и их практические действия по осуществлению этого единства не выходят за пределы их пространства и времени».

¹⁹Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000. – С.66.

²⁰Чукин С.Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования / Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Серия «Мыслители». Выпуск 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С.84.

образ всепланетной демократии, общества, где пытки или закрытие университета или газеты на другом конце мира будет вызывать тот же гнев, как если бы это случилось на родине. Этот будущий космополис может в неполитическом плане быть не менее культурно многообразным и гетерогенным. Но в этом утопическом будущем культурные традиции перестают влиять на политические решения. В политике будет лишь одна традиция: предотвращение попыток богатых и сильных воспользоваться преимуществами перед бедными и слабыми»²¹.

Толерантность не равнозначна «смиреной любви» (в духе заповедей Христа, учений Л. Толстого и Ф. М. Достоевского) или «принятию других, каковы они есть», как об этом нередко пишется в нашей культурологической публицистике. Субъекты мировоззренческой толерантности должны проявлять неуступчивость, а нередко и активное – в легитимных рамках – противодействие по отношению к тем, кто пропагандирует идеи и совершает деяния, несовместимые с упомянутым выше кодексом человечности (к членам расистских и ультранационалистических организаций, экстремистских религиозных сект, к фашиствующим молодчикам, коррупционерам всех рангов и мастей)²².

Мировоззренческий дискурс и мораль

Особую остроту мировоззренческий конфликт проявляет себя в противостоянии дискурса теологов и религиозных философов, с одной стороны, и нерелигиозных мыслителей (философов и ученых) – с другой, по вопросу о генезисе и природе морали. Недавно институтом философии РАН был проведен конкурс сочинений на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?». Вопрос относится к разряду закрытых, предполагающих истинность одного из альтернативных ответов. Считаю, что каждому из них уже давно дан (во многих достойных уважения вариантах) положительный либо отрицательный ответ, вполне удовлетворяющий критерию организаторов конкурса «быть «логически убедительным, психологически глубоким, теоретически и исторически основательным»²³. Но известно также, что ни один из них не получил – а я убежден, что никогда и не получит – статус общепризнанного. В этой ситуации остается одно, а именно – попытаться ответить на релевантный поставленному, но более широкий вопрос: «Сможет ли человечество уберечь нравственность (и тем сохранить себя для достаточно отдаленной перспективы), не полагаясь в решении этой задачи ни на теизм, ни на атеизм как его антипод?».

Начну с обращения внимания на публикацию, в которой представлены результаты экспериментальных исследований из области психологии морали, проведенных специалистами факультета психологии и эволюционной биологии человека Гарвардского университета. Они предлагали тест мужчинам и женщинам разного уровня образования, политических и религиозных убеждений. Каждый пункт этого теста – некое действие – им нужно было оценить по семибалльной шкале как допустимое или запрещенное с моральной точки зрения. «Результаты научных исследований свидетельствуют, что, хотя вероисповедание накладывало отпечаток на характер ответов, в группах верующих и неверующих не выявлено достоверных различий в решении моральных дилемм. Из этого ученые делают заключение, что внутренние понятия о добре и зле не зависят от следования религиозным догмам. В поддержку своего тезиса о независимом возникновении религии и морали авторы приводят в пример детские социальные отношения, в которых, безусловно, присутствуют моральные нормы, притом, что дети еще не вовлечены в религию. В качестве иллюстрации того, что решение моральных дилемм не зависит от отношения к религии, авторы приводят пример легализации эвтаназии в Нидерландах и запрета в США, несмотря на сходный уровень религиозности того и другого общества»²⁴. В

²¹ Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994, № 6. – С.24.

²²Агент социальной общности имеет право стать в оппозицию к принятым в ней целям, ценностям и принципам, полагая, что они противоречат фундаментальным правам и свободам человека. Но при этом он может добиваться внесения соответствующих изменений только путем убеждения общественности в своей правоте, и только в границах правового поля.

²³ Конкурс философских сочинений 2010. / Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page48142539.htm>.

²⁴Представляется достаточно аргументированной и такая точка зрения: «Моральные установки людей, исповедующих разные религии, но живущих в одном и том же обществе, зачастую гораздо более

теоретическом плане эта точка зрения вполне может опереться на авторитетное мнение И. Канта, согласно которому «для себя самой <...> мораль отнюдь не нуждается в религии», «не нуждается ни в идее о другом существе над ним (человеком – Е.К.), чтобы познать свой долг, ни в других мотивах <...>»²⁵.

Но ведь не подлежит сомнению и другое. Во многих разновидностях религиозных дискурсов несложно найти широко признанные принципы морали: осуждение бессмысленной жестокости, вероломства, предательства, разврата, неуважительного отношения к старшим, пренебрежения родительским долгом, и т.п. Религия в процессе культурной эволюции человечества обеспечивала возможность сравнительно простого пути соблюдения этих фундаментальных норм человеческого общежития. Однако в истолковании этих норм с позиций догматов вероучения содержится немало чуждого культуре и нравственности современного («открытого», по терминологии К.Поппера) общества. К примеру, православный катехизис растолковывает верующим, что в пятой заповеди (о почитании старших) под «родителями» следует подразумевать не только отца и мать, но и всех тех, кто «заступает место родителей», т. е. «начальников гражданских» и «начальников духовных», в первую очередь царя, затем церковных пастырей и, наконец, вообще всех «начальствующих в разных отношениях»²⁶.

В атеистические времена наша страна шла по жизни «мимо» Бога. Тем не менее, в народе высоко ценились трудолюбие и профессионализм, было развито чувство коллективизма и личной ответственности; «интернационализм и братство народов», «любовь к своей стране, ее культуре», «уважительное отношение к пожилым людям», «забота о детях» и т.п. не были пустыми словами для миллионов и миллионов наших граждан. Многие ценности и принципы общечеловеческой морали нашли отражение в так называемом кодексе строителя коммунизма. Но и они были деформированы идеологией большевизма. Достаточно напомнить о ленинском тезисе выводимости нравственности из интересов классовой борьбы пролетариата²⁷. Тупиковый вариант «морали без Бога» мы находим в дискурсе Ф.Ницше. Идеал всеобщей и единой морали должен быть отброшен. В христианской морали, или морали «рабов», Ницше усматривал выражение мстительности (воплощенного, по его убеждению, в демократическом и социалистическом движении). Те же, кто способен стать «по ту сторону» навязываемого обществом понимания добра и зла, являются носителями «высшего нравственного закона», о котором, как я полагаю, его провозвестник не сумел поведать нам что-либо определенное.

Складывается впечатление, что тезис, согласно которому мораль возможна только на некой «избранной» мировоззренческой основе, защищается и пропагандируется идеологами, чьи «симпатии» связаны с ценностями тоталитарного общества. Между тем, ни падение авторитета мировых религий, ни распад тоталитарных режимов не привели, в общем и целом, к ее девальвации. Всечеловечность ее принципов, и не только как эмпирический факт, но и как осознанно принимаемый императив, следствие которому уже не столь отдаленной перспективе составит одно из важнейших условий выживания человечества (все еще предельно разобщенного), едва ли оспорима. Ее основу составляет «золотое правило нравственности», т.е. правило практического этоса «поступать по отноше-

---

похожи, нежели установки людей одной религии, но из разных обществ» (Религия и мораль. / Режим доступа: <http://lex-kravetski.livejournal.com/8239.html>).

²⁵Кант полагает также, что «поскольку человеческой способности недостаточно для того чтобы привести счастье в мире в полное согласие с достоинством быть счастливым, необходимо признать всемогущее моральное существо как владыку мира <...>, т.е. мораль неизбежно ведет к религии». Признание необходимости «всемогущего морального существа» связано у Канта не с природой морали, а с эмпирическими факторами: несовершенством того общества, в котором нравственность и счастье довольно часто не прописаны по одному и тому же адресу. И только промысел божий, по его убеждению, может быть в этих условиях гарантом «самого строгого соблюдения морального закона» 4, с.82-83].

²⁶ Святитель Филарет (Дроздов). Пространный Православный Катехизис Православной Кафоллической Восточной Церкви. / Режим доступа:

http://azbyka.ru/dictionary/10/droz dov_katehizis_1g_14_all.shtml#002.

²⁷ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года. / Режим доступа: <http://transformations.russian-literature.com/node/>.

нию к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе» (вариант: «не делать другим того, чего не желаешь себе»). И.Кант воспринял эту максиму как выражение убеждения, присущего здравомыслящему человеку независимо от его происхождения, положения, вероисповедания, и представил его в форме категорического императива. Для мирового сообщества, прошедшего после Канта через ужасы многих революций, региональных и мировых войн, поставленного ныне перед лицом глобальных финансово-экономических и экологических проблем, невиданного по своему масштабу всплеска терроризма на религиозно-этнической основе, категоричность этого требования уже не кажется столь гипертрофированной, а его содержание – формалистичным, как это представлялось многочисленным критикам этики долга.

Мировоззренческий дискурс и смысл жизни

Если принять тезис о факультативности мировоззренческой ангажированности морали, то появляется возможность конструктивного обсуждения не менее важного вопроса о смысложизненной «вертикали» личности. Этот вопрос, полагал С.Л.Франк, «<...> волнует и мучает в глубине души каждого человека. Человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нем, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах, или в какие-либо сверхлические страсти и «дела» — в политику, борьбу партий и т.п., — но жизнь уже так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром или духовно спящий человек <...>». Но этот вопрос (как полагали, впрочем, и другие религиозные мыслители), категорически неразрешим вне контекста религиозного мировоззрения. «Для того чтобы жизнь имела смысл, необходимы два условия: существование Бога и наша собственная причастность Ему, достижимость для нас жизни в Боге, или божественной жизни. Необходимо, прежде всего, чтобы, несмотря на всю бессмысленность мировой жизни, существовало общее условие ее осмысленности, чтобы последней, высшей и абсолютной основой ее был не слепой случай, не мутный, все на миг выбрасывающий наружу и все опять поглощающий хаотический поток времени, не тьма неведения, а Бог, как вечная твердыня, вечная жизнь, абсолютное благо и всеобъемлющий свет разума»²⁸. Несомненно, мы имеем хорошо продуманное в метафизическом плане решение проблемы смысла жизни. Есть только одно «но»: непосредственный, или прямой, адресат этого решения – человек традиционного общества. Современное западное общество основывается на идеалах креативной деятельности, творческой активности суверенной личности с развитой рефлексивностью ее сознания, ориентацией на критерии доказательности мышления, десакрализацией окружающей природы и космоса²⁹, что мало совместимо с культурой и менталитетом традиционного общества. Принимая религиозное мировоззрение и имплицитное им решение проблемы смысла жизни, искренне верующий человек склонен выносить «за скобки» жизненное пространство современного социума, рискуя оказаться в нем «посторонним», а то и вовсе в оппозиции к нему.

Безрелигиозное мировоззрение в решении проблемы смысла жизни менее взыскательно, но более реалистично и не менее гуманно. Во всяком случае, оно совсем не обязательно должно быть пессимистичным. Смысл жизни состоит в способе ее проживания, в практическом решении личностью вопросов «К чему стремиться?» и «Как этого достигнуть (какими средствами)?», исходя из реальных возможностей и не полагаясь на промысел божий. А это означает, что жизнь у людей складывается по-разному, поскольку нет универсальных рецептов ее «обустраивания». Однако любой человек — при желании и наличии воли — может обрести смысл своей жизни в том, что он дает людям (созидательным трудом, творчеством), что он берет от мира (радость общения в кругу семьи и с друзьями, с природой и искусством); наконец, в мужестве и человеческом достоинстве, с которыми он переносит тяготы жизни и удары судьбы³⁰. Для многих людей такой *modus vivendi* не обязательно предполагает молитвенное служение, паломничество по святым

²⁸ Франк Семен. Смысл жизни. / Режим доступа: <http://www.ref.by/refs/90/39253/1.html>.

²⁹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации. / Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/Stepin51.htm>.

³⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. – С.164-165, 173-174.

местам и ожидание грядущего пришествия Христа, хотя и их жизнь преисполнена достоинством и благодетельством.

* * *

Подведу итоги. У человечества никогда не иссякнет потребность в «искупительной истине» – постижении мерцающих неопределенностью предельных оснований вечно пребывающего мира и непреходящего смысла нашей скоротечной жизни в нем. Кто-то надеется получить «искупление» верой в единого Бога (Христа, Аллаха, Яхве), другим уютнее прожить свою жизнь в секуляризованном мире научного материализма, третьи тяготеют к многокрасочному миру языческого многобожия, и.т.д. Ничего предосудительного не вижу и в том, что на разных этапах своей жизни человек обретает духовную опору в разных «искупительных истинах»³¹. При этом, как я полагаю, неизменным условием непреходящей позитивной значимости жизни любого человека является следование понятным и доступным каждому гуманистическим ценностям и принципам морали. «Будь таким, каким ты сам себя взрастишь в твоём свободном самоопределении. Но общезначимые ценности остаются непреложными. Они нуждаются в защите и поддержке, в том числе и твоей. Ты свободен во всем остальном, но за общезначимые ценности ты в ответе»³². А избавиться хотелось бы от любой формы принуждения к принятию какой-либо из мировоззренческих доктрин – в качестве «единственно верной», и навязывания на этой основе всему обществу её ценностей и регулятивных принципов – в качестве институциональных.

Список литературы

1. Борисова Елена. Христианство – это очень неудобно. «Эксперт» №19(657) / мая 2009. / Режим доступа: <http://www.expert.ru/printissues/expert>.
2. Гёте И.В. Избранные философские произведения. М., 1964. / Режим доступа: http://society.polbu.ru/radugin_philohrest/ch07_i.html.
3. Дильтей Вильгельм. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / Культурология. XX век: Антология. М., 1995.
4. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
5. Конкурсы философских сочинений 2010. / Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page48142539.htm>.
6. Лапшин И. Шопенгауэр / Энциклопедический словарь. Издание Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIXA.
7. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года. / Режим доступа: <http://transformations.russian-literature.com/node/>.
8. Маркина Н. Мораль легко отделима от религии. / Режим доступа: http://www.infox.ru/science/human/2010/02/05/Religia_moral.phtml.
9. Мельников А. Диалог религий в любой момент может перерасти в конфликт. / Режим доступа: http://religion.ng.ru/events/2008-04-02/3_dialog.html.
10. Мунтян Михаил. Политика и религия. / Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=380190>.
11. Панич Алексей. О пользе и вреде скептицизма для философии. / Режим доступа: <http://www.scorcher.ru/art/theory/scepticism/scepticism2.php>.
11. Панич Алексей. О пользе и вреде скептицизма для философии. / Режим доступа: <http://www.scorcher.ru/art/theory/scepticism/scepticism2.php>.
12. Познанский Д. Цивилизационная несовместимость // Политический журнал. 2008. №4 (181). 11 марта.
13. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998.
14. Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм. // Логос. 2008. № 4.
15. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003, №3.
16. Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994, № 6.

³¹И.В.Гете увязывал мировоззрение человека с особенностями жизненного опыта личности, в силу которых юноша из наивного реалиста превращается в идеалиста, у мужчины все основания стать скептиком, а старик всегда должен будет тяготеть к мистицизму.

³²Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998.

17. Святитель Филарет (Дроздов). Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. / Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/10/drozдов_katehizis_1g_14_all.shtml#002.

18. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации. / Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/Stepin51.htm>.

19. Столович Л.Н. Теологический агностицизм в диалоге с религией и атеизмом. / Режим доступа: http://www.atheism.ru/library/Stolovich_1.phtml.

20. Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995.

21. Франк Семен. Смысл жизни. / Режим доступа: <http://www.ref.by/refs/90/39253/1.html>.

22. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

23. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000.

24. Чукин С.Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования / Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Серия «Мыслители». Выпуск 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

25. Rawls J. Gerechtigkeit als Fairness: politisch und nicht metaphysisch// Kommunitarismus: Eine Debatte über die moralischen Grundlage moderner Gesellschaften. Frankfurt-am-Main, Campus Verlag, 1993.

WORLDVIEW DISCOURSE: TERRITORY FOR CONFLICTS?

E.A. KROTKOV

*Belgorod National
Research University*

The article discusses the potentials for creation a newer and more adequate to the current situation socio-psychological attitude in the communication between agents of belief and unbelief. The issue is observed in the context of emerging conflicts in the field of worldview discourses.

Key words: worldview discourse, pluralism, conflict, neutrality, tolerance.